

Юлия Беринг

Меланхолическая принцесса ЛЕДЯНОГО ПРИНЦА.

Ты знал, что я невиновна,
и всё равно предал!

Юлия Беринг

**Игрушка ледяного принца.
Ты знал, что я невиновна,
и всё равно предал!**

«Автор»

2026

Беринг Ю.

Игрушка ледяного принца. Ты знал, что я невиновна, и всё равно предал! / Ю. Беринг — «Автор», 2026

Я поступила в элитную танцевальную академию и тайно работала уборщицей, чтобы оплатить учёбу. Но богатая однокурсница подбросила мне дорогие вещи и обвинила в краже. Артём, жестокий наследник академии, видел правду. И солгал против меня! Меня лишили стипендии, выгнали из общежития и запретили танцевать. Я ночевала в парке, голодала и тренировалась до крови. А потом обнаружила на скамейке новые пуанты и записку: «В пять утра. Не опоздай». Это был он. Мужчина, уничтоживший мою жизнь, теперь тайно помогал мне вернуться на сцену. Но я не собираюсь становиться его послушной игрушкой! Я выиграю конкурс, разоблачу предателей и заставлю Артёма ответить за всё.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Юлия Беринг

Игрушка ледяного принца. Ты знал, что я невиновна, и всё равно предал!

Глава 1

Воздух в зале №1 пах канифолью, дорогим парфюмом и моим страхом. Этот запах вьёлся мне под кожу ещё до того, как я переступила порог. Здесь всё было стерильным: белые стены, идеально отполированный дубовый паркет, который отражал лица так честно, что хотелось закрыть глаза. А вокруг — элита. Дети бизнесменов, наследники хореографических династий, те, чья форма стоила больше, чем моя годовая аренда комнаты.

Я стояла в конце шеренги, сжимая лямки рюкзака до побелевших костяшек. Мои кроссовки — старые, вытертые по бокам, с заплаткой на носке из синей изоленды — казались здесь оскорблением самому искусству танца. Но я пришла не за модой. Я пришла за этим местом. За правом дышать тем же воздухом, что и они.

— Двигайся, нищобродка! — шепот Виктории долетел до меня со спины, прежде чем её пальцы толкнули меня в плечо.

Это был не случайный тычок. Это был тест. Или ловушка.

Я попыталась сохранить равновесие, улыбнулась уголком губ, будто это была часть импровизации, но холодный взгляд Артема уже сверлил мою макушку. Он стоял перед всем курсом, расставив ноги на ширину плеч, скрестив руки на груди. Капитан команды. Наследник престола этой академии. Его лицо было высечено из гранита: резкие скулы, тяжелые веки и абсолютное отсутствие интереса ко всему живому. Кроме одного. Ко мне.

— Начинаем импровизацию. Тема: «Падение», — его голос был тихим, но в гулкой тишине зала он звучал как приговор.

Музыка ударила в спину глухим басом. Тело само начало двигаться, вытягиваясь в линию, которую я репетировала сотни раз перед зеркалом в своей крохотной комнате общаги. Я чувствовала ритм, он тек по венам, заменяя кровь адреналином. На секунду я забыла о дырявых подошвах, о запахе дешёвого мыла, о том, что мои волосы собраны в небрежный пучок без лака. Я была свободна.

И тут мой правый шнурок развязался.

Нет, не сам. Я видела краем глаза, как девчонка из свиты Виктории, ещё не переобувшаяся после улицы, зацепила петлю своим острым каблуком. Механизм сработал мгновенно. Левой ногой я наступила на болтающийся правый шнурок. Стопу дернуло, центр тяжести сместился. Мир перевернулся.

Инстинкт подсказал тянуться за опорой. Опорой оказался Артем.

Мои руки впились в его куртку, мои колени уперлись в его бедра, мое тело рухнуло на него, сбивая дыхание и разрушая его идеальный образ неподвижного божества. Мы замерли в нелепой, интимной позе. Его рука, сильная и жесткая, обхватила мою талию, не давая упасть окончательно.

Тишина стала звонкой.

— Ты пахнешь дешевым мылом и страхом, — прошептал он мне прямо в ухо. Его голос был бархатистым и ледяным одновременно. В этом шепоте не было гнева. Было отвращение.

Он держал крепко. Не отпускал. Заставлял чувствовать напряжение его мышц, каждый свой сбившийся вдох. Я краснела до корней волос, чувствуя, как щеки горят огнем стыда. Я пыталась оттолкнуться, но его хватка была стальной. Это было физическое доминирование,

грубое и унижающее. Он выказывал власть над моим телом, показывая всем, кто здесь хозяин, а кто — помеха.

— Ой, простите! — голос Виктории разрезал тишину громким, театральным смехом. Она шагнула ближе, указывая пальцем на мою ногу. — У тебя подошва отлетела? Боже, Марина, ты вообще проверяешь свою обувь перед выходом на публику? Это же позорище для всего курса.

В зале захихикали. Кто-то тихо присвистнул. Я уперлась ладонями ему в грудь и выскользнула из захвата, будто обжигаясь. Поправила форму, стряхнула несуществующую пыль с колен. Внутри всё кричало, рвалось на части, требовало оправдаться, объяснить, сказать, что это не моя вина, что я талантливая, что я...

Но я молчала. Я подняла глаза на Викторию и посмотрела сквозь неё. Как на пустое место. Как на пятно на паркете, которое можно просто стереть тряпкой.

Артем сделал шаг назад, дистанцируясь от меня, словно я была заразной. Его серые глаза сузились.

— Если ты хочешь остаться здесь, — начал он, и его голос стал громче, жестче, — завтра принесешь мне чистую форму. Новую. Дорогую. Ту, которая соответствует статусу этого места. Иначе выметайся из моего зала.

Сердце пропустило удар. Форму? У меня не было денег даже на новую пару кроссовок, не то что на брендовый трикотаж стоимостью в месячную зарплату уборщицы.

Он знал.

Я почувствовала, как земля уходит из-под ног еще сильнее, чем во время падения.

— И да, — он чуть наклонился вперед, понижая голос, но так, чтобы слышала только я. — Я видел тебя вчера в подсобке. С шваброй.

Кровь отхлынула от лица. Моя тайна. Моя вторая жизнь. Работа, которая позволяла мне жить и учиться здесь, хотя бы на правах стипендиата-стажера. Он видел меня там, среди ведер и химии, когда я считала каждую минуту до смены, чтобы успеть на тренировку. Теперь это стало оружием против меня. Козырем, который он придерживал до нужного момента.

В этот момент щелкнул затвор камеры. Илья, студент-оператор с всегда растрепанными волосами и огромными наушниками на шее, случайно поймал кадр: я, растерянная, с покрасневшим лицом, и Артем, нависающий надо мной хищником.

— Удали! — визгливо крикнула Виктория, повернувшись к Илье. — Эта грязь на кадре портит весь репортаж. Она недостойна быть запечатленной в этом зале.

Илья опустил камеру. Медленно. Спокойно. Он не спорил, не защищал меня открыто, не становился героем. Но он бросил на меня короткий, понимающий взгляд. Взгляд человека, который видит то, что другие игнорируют. Он не удалил запись сразу. Он просто отвернулся, пряча объектив. Этого было достаточно, чтобы я поняла: я не одна. Он пока только наблюдал. Но этого взгляда я держалась, пока шла к двери.

— Набор окончен, — объявил Артем, разворачиваясь спиной к нам. — Те, кто хочет продолжать борьбу за место, ждите результатов вечером. Остальные — свободны.

Я вышла из зала последней. Дверь закрылась за мной с тяжелым стуком, отсекая музыку и насмешки. Коридор академии встретил меня гулким эхом собственных шагов. Стены здесь были мраморными, холодными, равнодушными. Я шла быстро, стараясь не плакать, сжимая зубы так, что сводило челюсти. Нужно было уйти. Исчезнуть. Забыть этот день.

Шаги за спиной. Быстрые, уверенные, ритмичные.

Я остановилась. Артем догнал меня у выхода, где сквозняк трепал края моей старой куртки. Он не выглядел злым. Он выглядел заинтересованным.

— Честно, — сказал он, засунув руки в карманы брюк. — Ты действительно та самая девочка, которая моет полы три недели подряд? Та, что оттирает следы наших потных носков после тренировок?

Я выпрямила спину. Гордость — последнее, что у меня осталось. Если я признаюсь в слабости, он добьет меня окончательно.

— Да, — ответила я тихо, но твердо, глядя ему прямо в глаза. — Я отмываю следы ваших потных носков. Потому что мне нужны деньги, чтобы купить хлеб, а вам нужно чистое помещение, чтобы играть в великих танцоров. Это справедливый обмен.

Его брови дрогнули. Легкая усмешка скользнула по его губам, но исчезла так же быстро, как появилась. В его глазах мелькнуло что-то новое. Не презрение. Оценка. Проверка на прочность. Он не хотел видеть жалкую жертву обстоятельств. Он искал бойца. А я оказалась честной. Слишком честной для его мира лжи и показухи.

Артем перевел взгляд на мои стоптанные кеды. Синяя изоленка на носке бросалась в глаза, как маяк в тумане.

— Завтра в шесть утра, — произнес он, и в его голосе не было угрозы, только приказ. — Если опоздаешь или придешь в этом тряпье — ты не просто вылетела. Ты никогда не узнаешь, почему я вообще обратил на тебя внимание.

Он развернулся и пошел прочь по коридору. Его шаги отдавались эхом, гулко и ритмично, как метроном, отсчитывающий время до конца моей надежды.

Я осталась одна. Холодный воздух из приоткрытой двери обдал лицо, но внутри меня горело. Больно, обжигаяще, но живо.

Шесть утра. Форма. Тайна.

Мне нужно было достать форму. Любой ценой. Потому что если я приду завтра, это будет не ради него. Это будет ради себя. Ради того, чтобы доказать этому монстру, что я не грязь на его паркете.

Я сжала кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. Завтра будет тяжело. Завтра будет больно. Но сегодня я впервые за долгое время почувствовала вкус борьбы. И он был терпким, как дешевое мыло, и сладким, как победа.

Глава 2

Вода в тазу стала мутной, как болото после дождя. Я терла ткань щеткой с такой яростью, что костяшки пальцев побелели. Белая тренировочная футболка — единственная вещь, которая у меня была «приличного» вида, — не хотела становиться новой. Пятна от пота и грязи ввелись намертво, а волокна хлопка под моими руками превращались в труху.

— Давай, давай... — шептала я себе, чувствуя, как рвется нитка по шву.

Хлоп. Ткань расползлась прямо посередине груди.

Я замерла, глядя на дыру, зияющую черным контуром на белом фоне. В голове прояснилось: сделать её снова целой, как раньше, уже не получится. Пятно стало приговором. Артем сказал: «Принесешь чистую форму или выметайся». И он имел в виду не эту тряпку, которую я держала в руках, а дорогую, идеальную, безупречную униформу академии. Ту, которую носят дети миллионеров. У меня нет денег даже на стиральный порошок нормального качества, не то что на бренд.

Я выключила свет в подсобке. В кармане завибрировал телефон. Сообщение от Ильи: «Загляни ко мне. Есть вариант».

Комната Ильи пахла пылью, кофе и старой бумагой. Он сидел на кровати, перебирая пленку, но, увидев мое лицо, сразу отложил всё в сторону.

— Не спрашивай, — буркнула я, плюхаясь на стул.

— Марина, послушай. Мой брат оставил здесь свою старую спортивную форму. Я думал, она чистая. Вроде почти новая.

Он достал из шкафа сложенную стопку. Бельгийский дизайн, плотный хлопок, идеально белый.

— Возьми. Никто не узнает, если ты заправишь концы.

Я взяла футболку. Прижала к носу. От ткани тянуло резким запахом мужского дезодоранта «Аквamarin» и потом. Много чужого пота. Я представила себя в этом на экзамене: слишком широкие плечи, чужой запах, который будет исходить от меня волнами. Виктория заметит это мгновенно. «Она носит вещи своего парня? Или брата?» — начнут шептаться девчонки. Это не решение проблемы статуса. Это лишь временная маскировка, которая сделает меня объектом еще больших насмешек. «Бедность во всей красе», — скажет кто-то из курса.

— Нет, — я аккуратно вернула футболку на полку. — Спасибо, Илья. Но это не спасет.

Его глаза стали жесткими. Он понимал. Здесь нельзя было просто «притвориться равной». Нужно было быть равной.

Мне нужно было бежать. Ближайший секонд-хенд находился за городом, в районе старых общежитий. Автобуса пришлось ждать двадцать минут. Я считала секунды, стоя на остановке, пока холодный ветер пробирался под куртку.

Магазин назывался «Second Chance», но шанс там получали только те, у кого есть мелочь для чаевых продавцу. Внутри пахло нафталином и чужой жизнью. Ряды вешалок с пестрыми тряпками тянулись в бесконечность. Я рылась час, перебирая синтетические блузки, которые теряли форму после первой же стирки. И вот она. Идеальная. Белая рубашка из плотного хлопка, логотип другой частной школы танца, но крой тот же. Цена была смешной для богатых и неподъемной для меня, но на карте у меня оставалась заначка. Последняя тысяча.

— Эта, — сказала я, кладя вещь на прилавок.

Продавец, грузный мужчина с цепью на шее, взял рубашку, повертел в руках. Потом его взгляд упал на мой рюкзак. На логотип Академии Искусств и приколотый к лямке рабочий бейдж: «Уборка помещений». Чёрт, забыла снять после смены. Его брови поползли вверх, а губы скривились в презрительной усмешке.

— О, ученица, — протянул он, возвращая рубашку на вешалку. — Эти вещи не для таких, как ты. Они для тех, кто платит за воздух. Для тех, кто не моет полы в подсобках.

— Мне нужна эта рубашка. У меня есть деньги, — голос дрогнул, но я сжала кулаки.

— Деньги тут ни при чем, девочка. Тут вопрос гигиены. Ты же будешь носить это в зале, где занимается элита. А мы продаем товар с репутацией. Не хочу портить имидж магазина.

Он снял рубашку с прилавка и выставил меня за дверь. Дверь захлопнулась перед моим носом со звонком колокольчика. Звон этот резанул по нервам сильнее удара.

Я вышла на улицу, чувствуя, как горят щеки. Напротив, у входа в бутик модных аксессуаров, стояла машина. Из нее, грациозно переставляя ноги в лаковых туфлях, вышла Виктория. Она держала в руке стаканчик дорогого кофе с корицей. Наши взгляды встретились.

Она не улыбнулась. Она осмотрела меня с ног до головы, задержавшись на моих стоптанных кроссовках, потом подняла глаза выше. К моей куртке, на которой темнело старое пятно от краски.

— Боже, Марина, ты все еще ходишь в этом? — ее голос был сладким, как яд. — Ты думаешь, если выйдешь на урок в грязной одежде, тебя пожалеют? Тебя просто выставят.

Я молчала, сжимая ремни рюкзака так, что впивались пальцы.

Виктория сделала шаг навстречу. «Случайно» качнулась, и содержимое её стакана плеснулось на мое плечо. Горячий кофе обожжил кожу сквозь ткань. Темное пятно расплылось по серой куртке, стекая вниз, туда, где виднелся край моей старой футболки, которую я прикрывала сумкой.

— Ой, прости, — она даже не извинилась нормально. Она достала салфетку, вытерла свои руки и бросила мусор у моих ног. — Ты же не можешь позволить себе химчистку, правда? Просто выброси. Тебе всё равно нечего надевать.

Она рассмеялась, развернулась и исчезла в дверях бутика.

Я стояла посреди тротуара, мокрая, пахнувшая кофе с корицей и унижением. Пятно растекалось по плечу. Я терла его салфеткой, а кофе только уходил глубже в ткань.

На обратном пути в общежитие я свернула в пустой коридор третьего этажа. Тишина была оглушающей. И тут я наткнулась на него.

Артем стоял у окна, спиной ко мне, разглядывая двор. Он услышал мои шаги и обернулся. Его глаза скользнули по моему лицу, затем по мокрому плечу, по каплям, стекающим с воротника.

Я ждала смеха. Ждала колкости. Ждала, что он скажет: «Ну вот, я же говорил».

Но он молчал. Его лицо оставалось каменным.

Он сделал шаг ближе. Запах его парфюма — дорогой, древесный, холодный — ударил в нос.

Артем снял свой шарф. Серый кашемир, мягкий и тяжелый. Он молча набросил его мне на плечи, аккуратно заправляя концы так, чтобы скрыть пятно от кофе.

Мои ресницы затрепетали. Тепло чужого тела, чужой заботы?

Но когда он склонился к моему уху, его шепот был холоднее зимнего ветра:

— Это не подарок. Это гарантия того, что ты не опозоришь мой зал своим видом. Если завтра увидят пятно — ты ушла. Шарф вернешь.

Он выпрямился, посмотрел на меня поверх очков так, будто оценивал инструмент, а не человека, и ушел, оставив меня в ловушке долга и стыда. Шарф грел, но внутри все леденело.

Вечер не принес покоя. Стипендия еще не пришла. Счета висели над головой дамокловым мечом. Чтобы купить хоть какую-то замену форме, нужны были деньги. Быстрые.

Перед сменой я зашла к Илье и всё-таки попросила одолжить форму брата. Гордость гордостью, а ходить с дырой на груди я не могла. Он молча подвинул мне стопку, даже не сказав «я же предлагал». Я постирала обе футболки; большую оставила сушиться у него, свою наскоро зашила.

В 21:30 я переоделась в рабочую робу уборщицы и проскользнула в VIP-лаунж преподавателей. Запрет студентам находиться там после десяти был строгим, но страх исключения гнал вперед. Пол здесь блестел, мебель была мягкой, кожа диванов пахла деньгами.

Я начала протирать столы, стараясь не дышать громко.

Дверь открылась. Голоса. Декан и отец Артема.

Я замерла за колонной, прижавшись спиной к холодной стене. Достала телефон и включила диктофон, прикрыв экран ладонью.

— ...нарушение этики, — говорил декан, наливая себе виски. — Уборщица в зале. Студентка. Это недопустимо, Сергей Петрович. Если она не сдаст норматив завтра, я сам подпишу приказ об исключении.

— За что? — голос отца Артема был ленивым, равнодушным.

— За кражу инвентаря. Намек понятен? Мы найдем у неё в шкафчике дорогие брендовые вещи. Подброшенные, конечно. Но формально это кража. Она потеряет стипендию. И статус.

Сердце заколотилось где-то в горле. Они решали мою судьбу, пока я мыла пол вокруг их ног. Им было все равно на мой талант. Им нужен был порядок. Их порядок, где бедные убирают за богатыми, а не танцуют рядом с ними.

Палец дрожал над экраном. Запись шла. Каждое слово оставалось у меня, и я боялась даже шевельнуться. Это было оружие. Хрупкое, опасное, но настоящее.

Разговор закончился. Мужчины вышли. Я остановила запись и проверила файл: голос декана слышался отчётливо. Лаунж погрузился в тишину.

Я стояла перед зеркалом в туалетной комнате. Смотрела на свое отражение. Мокрые волосы, красные глаза, шарф Артема на плечах.

Уйти тихо. Забрать шарф. Продать его? Нет, он дорогой, но его легко отследят. Оставить шарф?

Понимание пришло внезапно, как озноб. Артем не спасает меня. Он использует меня как инструмент проверки собственной теории о «истинном труде». Его шарф — это не милость, а испытание на прочность. Проверка: сломаюсь ли я, приняв подачку, или останусь собой, отказавшись от чужих правил игры.

Если я возьму его помощь, я стану частью их системы. Часть системы, которая меня ненавидит.

Я аккуратно свернула шарф. Положила его на стойку ресепшн, ровно, по центру. Как доказательство того, что я видела его, но не купилась.

Я вышла в ночь: без шарфа, без денег на новую форму, без самой формы.

В старой куртке поверх порванной футболки и кроссовках, которые промокли до нитки и разваливались на ходу.

Пальцы мерзли даже в кроссовках. Я перешагнула лужу: завтра придется войти в зал, а на подошвах и без того налипло достаточно грязи.

Первый раз за день я улыбнулась. Горько, злобно, но искренне.

В кармане лежал телефон с сохранённой записью.

Завтра будет война. Но теперь у меня есть оружие.

Глава 3

Воздух у раздевалки пах дезодорантом и чужим любопытством. Толпа студентов смыкалась кольцом, как акулы, почуявшие кровь. В центре круга стояла Виктория, идеально прямая спина, подбородок задран вверх. Её пальцы с безупречным маникюром выуживали из моего рюкзака вещи одну за другой. Шелковая блузка. Брендные джинсы. Золотые часы.

— Ну-ну, Марина, — протянула она, поднимая часы к свету. — Это же лимитированная серия. А ты... ты даже на метро экономишь. Странно, правда? Где ты их взяла? Может, в подсобке, где швабры моешь?

Гул толпы превратился в белый шум. Я не двигалась. Не дышала. Кулаки сжались так сильно, что ногти впились в ладони до боли. Если я заплачу — они сожрут меня живьем. Если закричу — стану истеричкой. Поэтому я выбрала тишину. Ледяную, непробиваемую стену. Я смотрела сквозь Викторию, фиксировала взгляд на трещине в стене за её плечом, игнорируя каждый новый предмет, летящий мне под ноги.

— Декан! — крикнула одна из девчонок, и толпа расступилась, пропуская высокого мужчину в сером костюме. Отец Виктории. Его лицо было каменным, а глаза холодными, как январское стекло. Он бросил короткий взгляд на разбросанные вещи, затем на меня. Никакого вопроса «Почему?». Только констатация факта.

— Вы нарушаете устав академии, студентка Ковалева, — его голос был тихим, но от этого резче бьющим по нервам. — Стипендия аннулируется. Ваше место в группе освобождается немедленно. У вас есть десять минут, чтобы забрать свои вещи и покинуть территорию. Иначе мы вызываем полицию за кражу.

Меня не просто выгоняли. Меня стирали. Стерилизовали из этой жизни, как ошибку в коде. Инстинкт толкнул меня назад, шаг в сторону, попытка сохранить дистанцию между собой и этим приговором. Но пол был скользким от мокрой обуви десятков студентов. Я зацепилась носком стоптанного кроссовка за край резинового коврика. Мир качнулся. Колени подогнулись, и я рухнула бы лицом в эту грязь, если бы не успела упереться руками в холодный линолеум. Пальцы заскользили, оставляя мокрые следы.

Тишина стала оглушающей. Кто-то хихикнул. Виктория широко улыбнулась, показывая ровные зубы хищника.

И тогда дверь зала открылась. Артем вышел в коридор. Он не торопился. Его черная водолазка облегла плечи, а в руках он держал бутылку воды, которую крутил между пальцами с раздражающим спокойствием. Он остановился в дверном проеме, сканируя ситуацию. Взгляд скользнул по вещам, по декану, по моему униженному положению на полу. Я видела, как он оценивает. Ждал слез. Ждал просьбы. Ждал, что я буду умолять его о помощи, как собачонка. Потому что он знает правду. Он видел меня с тряпкой в руках.

Я подняла голову. В моих глазах не было мольбы. Там горело яростное презрение к его равнодушию, к его власти, к этому гнилому спектаклю. Я медленно, стараясь не показать, как дрожат колени, встала. Отряхнула пыль с куртки. Развернулась спиной к Артему, к Виктории, к декану. К их миру. Подхватив рюкзак с пола, я прижала его к боку и пошла в темный служебный коридор, ведущий к выходу. Чужие вещи остались у Виктории. Каждое движение было актом неповиновения. Я уходила не потому, что проиграла. Я уходила, чтобы не дать им удовольствия видеть мою смерть.

Темнота коридора обняла меня плотнее. Здесь пахло пылью и старой краской. Я прислонилась спиной к стене, чувствуя, как тело предательски начинает мелкой дрожью сбрасывать адреналиновый шок. Рюкзак соскользнул с плеча. Руки тряслись так, что я не могла поднять его; из незастёгнутой молнии высыпались конспекты. «Все кончено», шептал внутренний

голос. «Стипендии нет. Денег нет. Дома нет». Волна паники накрыла с головой, заставив глотать воздух ртом. Я потеряла всё за пять минут. За пять минут чужого смеха.

Шаги. Тихие, почти бесшумные. Из тени напротив вышла фигура. Илья. Он держал телефон экраном к себе, потом повернул его ко мне.

— Смотри, — сказал он просто.

На экране было видео. Моё падение, но снятое снизу, через щель в ограждении, где обычно прячутся кулеры. В замедленном режиме, который включил Илья, я видела не грязь подошвы. Я видела линию своего тела. Как я инстинктивно вытянула руку, сохраняя баланс. Как моя спина изогнулась дугой, демонстрируя идеальную растяжку и контроль мышц, которые я годами вкладывала в тренировки, пока другие выбирали балетные туфли дороже моей стипендии. Это выглядело не как падение. Это выглядело как часть номера. Грациозная, ломкая, красивая.

— Ты танцуешь лучше всех здесь, — тихо произнес Илья, глядя мне в глаза. — Даже когда падаешь. Я могу показать это преподавателю хореографии. Профессору Грому. Он ценит сырой талант. Может, это шанс остаться... или хотя бы получить рекомендацию для другого места. Но риск есть. Декан может обвинить нас в манипуляции доказательствами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.